

УДК 947(470.343)

РЕПРЕССИИ 1930-Х ГОДОВ И КРЕСТЬЯНСТВО (НА МАТЕРИАЛАХ МАРИЙСКОЙ АССР)

К.Н. Сануков

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола

В статье на материалах Марийской АССР показана репрессивная политика Советского государства в отношении крестьянства. В ходе коллективизации сельского хозяйства и образования колхозов зажиточная часть крестьян, так называемые «кулаки», выселялись в ГУЛАГ, их имущество конфисковывалось и передавалось колхозам. Вернувшиеся к 1937 году в родные места высланные «кулаки» подверглись репрессии по секретному приказу наркома НКВД СССР Н.И. Ежова № 00447 от 30 июля 1937 года.

In the article based on the Mari ASSR materials the repressive politics of the Soviet State concerning peasantry is shown. During collectivization of agriculture and formation of kolkhozes prosperous peasants («kulaks») were evicted to GULAG. Their property was confiscated and given to kolkhozes. Having returned to their native places of living by 1937 the evicted «kulaks» were subjected to repression due to the secret order 00447 of 30 June, 1937 signed by USSR NKVD narkom (people's commissar) N.I. Yezhov.

Одной из самых мрачных страниц истории нашего Отечества являются политические репрессии 1930-х годов, которые обрушились на все общество, на все социальные группы населения, в том числе на крестьянство. К сожалению, в имеющейся историко-политической литературе до последнего времени больше всего внимания уделяется репрессированию политической и идеологической элиты страны. Назрела необходимость более обстоятельного рассмотрения репрессивной политики Советского государства в отношении крестьянства, составлявшего тогда большинство населения страны. В этом отношении значительный вклад в раскрытие темы может внести региональный аспект.

Политика террора и репрессий в отношении крестьян проводилась Советским государством с самого начала его существования. Показателями этого являлись действия продотрядов и комбедов, жестокое подавление крестьянских антисоветских восстаний в 1918-1921 гг., в том числе «Чапанного восстания» в Поволжье, северные отголоски которого коснулись и Марийской автономной области. Годы новой экономической политики ознаменовались ослаблением антикрестьянского нажима. Это помогло в основном решить важнейшую политическую задачу – снять социально-политическую напряженность на селе и вообще в обществе. Но со свертыванием НЭПа и переходом к политике ускоренного строительства социалистической экономики на рубеже 1920-1930-х годов в стране обострилась общественно-политическая и социально-экономическая обстановка.

Вновь, как и в условиях гражданской войны и «военного коммунизма», возросло недовольство крестьян. В связи с этим нажим на них вновь усилился и стал особенно масштабным. На места были даны указания об усилении борьбы с любыми проявлениями недовольства. Советское государство начало «фронтальное наступление на кулачество и кулацкие элементы». Для выполнения этой задачи не только проводилось выкачивание финансовых и материальных средств из села, но в широких масштабах стала проводиться насильственная переброска крестьян на «стройки социализма» в качестве дешевой (или даже бесплатной) рабочей силы.

Коллективизация сельского хозяйства сопровождалась разнuzданным администрированием, произволом и насилием в отношении жителей деревни, «раскулачиванием» и выселением из родных мест зажиточных крестьян. Усиленная работа в этом направлении началась осенью 1929 года. Из Нижнего Новгорода, центра края, в который с 1929 по 1936 год входила Марийская автономная область, в Йошкар-Олу поступило указание и плановое задание по «изъятию» и выселению «кулацкого элемента». При этом подчеркивалось: «Всем обвиняемым вне зависимости от характера преступления должна инкриминироваться ст. 58/10 УК» (антисоветская агитация и пропаганда) [1]. Начальник Марийского областного отдела ОГПУ Г.С. Эймонтов сообщал в Постоянное представительство ОГПУ по Нижегородскому краю: «Данные ПП цифры мы не выдерживаем. Вместо данных Вами 150 единиц мы с трудом наберем 20» [2]. Но списки

по кантонам были составлены, плановые цифры «выдержаны». В отчете от 30 октября 1929 года указано, что «арестовано по очистке деревни 152 человека». Через месяц в новом отчете сообщалось: «По операции изъято 204 человека».

30 января 1930 года было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», в котором ставилась задача – «решительно подавить попытки контрреволюционного противодействия кулачества колхозному движению» [3]. Юридическое оформление расправы над «кулаками» в соответствии с этим документом было сделано Постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 года, по которому были запрещены аренда земли и использование наемного труда, предусматривалась конфискация у кулаков средств производства, кормовых и семенных запасов, тем самым зажиточные крестьяне лишались социально-экономической базы своего существования. «Кулачество» было распределено по трем группы. Первая группа – «контрреволюционный кулацкий актив». Эта категория подлежала заключению в концлагеря, а в отдельных случаях могла применяться и высшая мера наказания – расстрел. Вторая группа – «остальные элементы кулацкого актива, которых необходимо было выслать в отдаленные районы. Третью группу составляли «кулаки», оставляемые в пределах района.

Последовавший за этим приказ по ОГПУ от 2 февраля требовал «решительно сломить сопротивление» – «ликвидировать контрреволюционный кулацкий актив», для чего использовать «массовые выселения». Область получила новую разверстку по ликвидации «контрреволюционных элементов». Для ее выполнения, как и везде, был создан внесудебный орган «тройка».

В ходе «первой колхозной весны» состоялась операция по «изъятию» лиц, «противодействующих проведению весеннего сева». В июле последовали предупредительные меры в отношении лиц и «кулацких организаций», готовящих «срыв уборочной кампании». На специально созванном по поводу этой «операции» закрытом заседании бюро обкома партии было решено выделить опытных коммунистов в помощь ОГПУ, сюда же прикрепить все органы милиции и уголовного розыска. По составленному плану подлежали «оперированию» 4 группировки в составе 23 человек и 143 одиночки. По ходу самой операции выявлялись новые «фигуранты», и на 19 ноября было «изъято» 311 человек [4].

С весны 1931 года началась новая волна репрессий против крестьян. На основе директив ЦК ВКП(б) руководящие органы Нижегородского края наметили

планы выселки. Для Марийской автономной области на 1931 год по «кулацкому выселению» была определена контрольная цифра – 500 семей. Начальник МОО ОГПУ Г.С. Эймонтов 9 июля сообщал в Нижний Новгород: «Я дал задание отобрать на 50-100 больше» и запрашивал: "Могу ли я рассчитывать на разрешение их отгрузить?" [5].

Значительная (большая) часть раскулаченных выселялась за пределы региона – в Северный край, Коми автономную область, Сибирь, Казахстан. При этом и на территории Нижегородского края были выделены 2 северных района кулацкой выселки: Синегорский и Кайский – для организации «кулацких» поселков.

Весной 1932 года Марийский отдел ОГПУ получил из Нижнего Новгорода указание: выселить в Синегорский район 100 кулацких хозяйств в составе более 400 человек. При этом в приказе подчеркивалось: «При отборе максимально отсеивайте нетрудоспособных стариков, малолетних детей... Грузите в вагон от 39 до 42 человек». Для «отгрузки» отобранного контингента утром 16 мая на станцию Йошкар-Ола было подано «10 людских, 4 товарных, 1 классный вагон» [6].

В Кайском и Синегорском районах сосланные крестьяне работали не только на лесозаготовках, но и на фосфоритных рудниках, на строительстве дорог и т.д. Спецпоселки были рассчитаны на 100-200 семей, ссыльные крестьяне жили в общих барачных помещениях по 30-40 человек. За изнурительный труд они получали (да и то нерегулярно) мизерную плату, но и на нее практически никаких продуктов нельзя было купить, потому что они, кроме водки, завозились нерегулярно. В этих поселках фактически отсутствовали школы, больницы.

Кроме выселения за пределы МАО и здесь были организованы «кулацкие поселки» треста «Маритранлес» в районах интенсивных лесозаготовок (Старожильск, Сабанаково, Мишенино, Безукладовский, Шушерский, Цинглок и др.). Вместе со «своими» в них размещались сотни «выселенцев», «спецпереселенцев» из Нижнего Поволжья, Мордовии, Казахстана.

Документы свидетельствуют, что раскулачивание и выселение были не просто наказанием за высокое социальное положение и благополучие, и не только мерой пресечения предполагаемого или ожидаемого преступления, а, в первую очередь, преследовали цель трудовой эксплуатации репрессированных. Например, в инструкции президиума Нижегородского крайисполкома в марте 1931 года указывалось: «Не допускается включение (в число выселяемых – К.С.) таких семейств, в которых при наличии большого количества малолетних детей и стариков нет достаточного количества трудоспособных членов. Примерно семья

должна иметь не менее 50 процентов трудоспособного состава».

По тогдашней официальной статистике, «кулацкие «хозяйства в МАО составляли около трех процентов крестьянского населения, а фактически было раскулачено не менее 10 процентов хозяйств. Это значит, что большинство раскулаченных являлись середняками или даже бедняками, не желающими идти в колхозы (для них придумали слово «подкулачник»).

Массовые необоснованные репрессии в ходе коллективизации достигли таких размеров, что в мае 1933 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР вынуждены были дать своеобразный «отбой» в инструкции партийно-советским органам, органам ОГПУ, суда и прокуратуры:

«...ЦК и СНК считают, что в результате наших усилий в деревне наступил момент, когда мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников... В ЦК и СНК имеются сведения, из которых видно, что массовые беспорядочные аресты в деревне все еще продолжают существовать в практике наших работников. Арестовывают председатели колхозов и члены правлений колхозов. Арестовывают председатели сельсоветов и секретари ячеек. Арестовывают районные и краевые уполномоченные. Арестовывают все, кому не лень, и кто, собственно говоря, не имеет никакого права арестовывать. Но удивительно, что при таком разгуле практики арестов органы, имеющие право ареста, в том числе и органы ОГПУ, и особенно милиция, теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания, действуя по правилу: сначала арестовать, а потом разобратся...»

«Раскулачивание» в ходе массовой насильственной коллективизации выбило из нормальной жизни наиболее работающую, рачительную, зажиточную часть крестьянства. И после создания колхозов усиливался силовой нажим на крестьянство, как на единоличников, так и на колхозников. В ходе коллективизации крестьянство насилем и изощренной демагогией было втянуто в грандиозный экономико-социально-политический эксперимент, сломавший вековые устои и трудовые традиции деревни. Искусственно созданная форма организации труда не могла быть эффективной, и только посредством жестоких поборов с сельского населения оказалось возможным прокормить страну, обрекая самих крестьян на голодное существование.

Известно, что в результате массовой форсированной коллективизации в 1932-1933 годах разразился голод на Украине, в Нижнем Поволжье. В МАО тогда этого еще не было. Между тем, тщательно

скрываемые сведения просачивались и сюда. В 1933 году, например, несколько десятков человек было репрессировано за распространение «клеветнических» сведений о голоде на Украине.

В 1933-1934 годах Марийский обком ВКП(б) многократно сообщал в Нижегородский крайком о «продовольственных затруднениях», о многочисленных фактах проявления голода и в связи с этим – недовольства и «антисоветских» высказываний.

Особенно много недовольства было на селе. Вот некоторые характерные высказывания [7]. В Йошкар-Олинском районе: «Нужно сеять меньше, в размерах только собственной необходимости; так как всякие излишки Советская власть отберет». В том же районе: «Нет никакого смысла теперь обрабатывать землю, так как от мужиков отбирают последний хлеб, мужиков гнут как следует». В Ново-Торъяльском районе: «Во второй пятилетке крестьянин будет ограблен, так как будут строиться новые заводы и фабрики». В Мари-Турекском районе: «Вторая пятилетка окончательно ограбит крестьянство, так как на новое строительство нужны большие средства, а средств у государства нет, и оно будет отбирать у мужика последний кусок хлеба». Там же: «Мужик не знает, в какую дыру сунуться. Если бы был жив Ленин, такого головоуятия бы не было». В Звениговском районе: «Колхоз – это тюрьма».

Письмо члена колхоза «У корно» Коминского сельсовета Йошкар-Олинского района Охотникова Ивана Андреевича (был до этого председателем колхоза, сельсовета) в редакцию «Крестьянской газеты» (март 1934 года):

«Ожидаем лучше – подходим хуже... Продукты доходят в конец. Какой выход найти, чтобы прокормить семейство? Старики плюют в глаза, говоря, что улучшаете жизнь, а становится ежегодно хуже.

Государственные склады, заготпункты лопаются, а люди голодают... А в учреждениях дармоедов – на место прежних одного нынче 20, а то и 30 человек сидят, все нарядные, близко не подходи. Ежедневно угрожают: почему рабочих не вышлешь, почему заем не собираешь, заготовка почему не закончена?..

Надо государственную и кооперативную хлебную лавку разрешить. На будущий заготовительный период лучше бы делать добровольную сдачу, а не путем принуждения. Государство запаслось хлебом, а старики и дети просят Христа ради под окном».

28 июня 1934 года Г.В. Березин из деревни Б. Шуар-Сола Оршанского района, ставя задачу «с правдивой стороны» осветить «характерные черты крестьянской жизни», написал письмо в обком партии:

«На страницах советской печати, – писал он, – постоянно уделяется внимание крестьянскому вопросу, пишут, безусловно, так, что трудовое крестьянство при существующем строе освобождено от эксплуатации и угнетения, ему предоставлено право по своему усмотрению строить разумную, светлую и культурную жизнь...

О, как звучит прекрасно, не правда ли? Если приглядеться ближе к крестьянской жизни, так ли происходит в настоящее время? Безусловно нет, далеко нет.

Трудящееся крестьянство пока по-прежнему влачит свое жалкое существование. Количество безземельных крестьян увеличивается. Лишившись главных источников существования, окончательно разорившись, многие из них питаются подавниями.

Колхозы многие (подавляющее большинство) нерентабельны, большие средства тратятся неразумно и нерационально.

Колхозники зажиточными не могут стать – говорится о не зажиточной жизни, лишь бы еле-еле жить, чтобы поддержать свое полуголодное существование. Трудовое крестьянство придавлено тяжестью налогов и сборов. Его заставляют выполнять нереальные планы, не считаясь с возможностями колхоза. А продукция (лен, в частности) сдается государству за бесценок.

Участвует ли крестьянство в политической жизни? Решения заранее готовятся, собрание молчит – значит, знак согласия.

Подавляющее большинство крестьян в настоящее время враждебно настроено к существующему порядку. Горькая у него доля. Звучат слова крестьянина: «Так жить нельзя!».

Не найдя отклика в родной области, Березин написал письмо в ЦК ВКП(б), в котором, кроме повторения некоторых уже высказанных до этого мыслей, отмечал: «...Обирают крестьян – жить не на что. В нашем районе – трагический голод. Целый район будет обречен на голодное существование. Урожай неважный. А выгребают зерно все. Будет то же, что в 32 г. на Украине, в Саратовской и Самарской губерниях, где люди тысячами умирали голодной смертью» [8].

На собрании по поводу дополнительных хлебозакупок житель Троицкого Посада И.В. Козиков заявил: «Это обдираловка, саратовщина. Пустят нас по миру... Хотят уморить с голоду, как саратовских» [9]. В том же Горно-Марийском районе в селе Коротни один крестьянин сказал: «У нас хлеба нет, отбирают последний хлеб и оставляют, как самарских мужиков». В селе Виловатово: «У нас лишнего хлеба нет, и быть саратовскими нищими мы не хотим» [10].

В секретных справках нередко тоже признавалось истинное положение вещей. Например, 3 января 1934 года в справке по зоне Ново-Торъяльской МТС замечено:

«Колхозы не обеспечены и в данное время хлеб уже доедают. В целом ряде колхозов после засыпки страхфондов хлеба совершенно не остается, а в некоторых колхозах не хватает даже для создания фондов. Во многих колхозах говорят: «Государство грабит колхозы». Ругают председателей, что план выполнен, а колхозники остались без хлеба».

Областной отдел ОГПУ в политдонесении «О недостатке хлеба в отдельных колхозах и селениях и настроении в связи с этим» обкому партии 29 сентября 1934 года сообщал: «В отдельных колхозах и селениях единоличного сектора, где после выполнения хлебопоставок и окончания осеннего сева у населения нет хлеба на питание, в результате такие хозяйства уже питаются суррогатами – лебедой с примесью картофеля» [11]. Именно этим отдел объяснял рост антисоветских настроений. А от него требовали усилить «оперативный удар» по «саботажникам».

В 1934 году разразился голод и в некоторых районах Марийской автономной области. А заготовительная политика не менялась. «Первой заповедью» колхозников тогда провозглашалось выполнение плана поставок зерна государству. Колхозники голодали, ели мякину, лебеду, а колхозный хлеб выгребали по плану государственных заготовок, как и в предыдущие годы, подчистую. Любые попытки говорить вслух об этом, а тем более использовать часть продукции для поддержания голодающих крестьян-колхозников до выполнения плана хлебосдачи решительно пресекались. И именно по этой линии больше всего творилось беззаконие, продолжая практику продотрядов времен гражданской войны, «раскулачиваний» 1930 года и предвария 1937-й год.

Характерный в этом отношении случай можно привести по Оршанскому району. По обвинению в «растранижении хлеба» было арестовано 10 членов колхоза «Комсомолец» Южинского сельсовета, в том числе комсорг. Это было сделано без санкции прокурора. Только на следующий день работники ОГПУ пришли к районному прокурору за санкцией на арест, не имея при этом никаких материалов для обвинения. Районный прокурор Ф.В. Вершинин такой санкции не дал, а арестованных велел освободить. Об этом тут же стало известно обкому партии. «За необоснованное освобождение арестованных колхозников, за неадекватность санкции в дальнейшем на арест этих лиц», что было расценено как «правооportunистическая практика», прокурору был объявлен выговор по партийной линии. Всех 10 колхозников вновь аресто-

вали и осудили на разные сроки. По этому факту была проведена соответствующая разъяснительная работа в системе прокуратуры. Ясно, какие последствия оно имело. Сам Вершинин через два года, ходатайствуя о снятии выговора, заверял: «Я только после осознал, что подошел формально-бюрократически, после этого подобных случаев не допускаю, этот случай был мне уроком для будущей работы. В будущем ничего подобного не буду допускать» [12]. И действительно, он сдержал обещание, стал активным проводником репрессий и дослужился на этом поприще до поста заместителя прокурора республики.

В Моркинском районе был исключен из партии и снят с работы председатель колхоза «Тумер» С.С. Сидоров «за антигосударственную тенденцию, клеветническое заявление на имя Калинина о положении колхозников». «Антигосударственная тенденция заключалась в расходовании на внутриколхозные нужды более установленного для этой цели количества».

Ход и результаты коллективизации, таким образом, вызывали критические высказывания, которые квалифицировались как «антисоветские» (а это – знаменитая 58-я статья).

Последствия коллективизации и голода в Марийской автономной области возрастали. Но и при такой обстановке партийные органы самым строгим образом следили за выполнением колхозами «первой заповеди» – хлебопоставок государству. Пока они не выполнены – не смей ничего трогать. И летом 1937 года еще до начала уборки урожая обкомом ВКП(б) были даны в районы строгие директивы: не допускать «разбазаривания» хлеба. В начале уборочных работ из Оршанского района поступили сведения, что в ряде колхозов, еще не выполнив «первой заповеди», организовали в поле общественное питание.

29 июля на бюро обкома партии ставится вопрос «О ходе уборки урожая и антигосударственных тенденциях в Оршанском районе». Председатель райисполкома С.П. Лобанов был снят с работы и исключен из партии за то, что «разрешил организовать общественное питание в колхозах на уборке вместо быстрой сдачи зерна государству». 4 августа обком возвращается к этому вопросу. И принимается решение, призванное ужесточить и политизировать наказание, придать этому делу широкую гласность:

«Поручить прокурору республики т. Быстрякову в срочном порядке закончить следствие и провести открытый показательный судебный процесс над врагами народа Лобановым и Дрожжиным (заведующий райзо – К.С.).

Поручить тов. Агачеву (инструктор обкома, ведавший печатью – К.С.) дать указания райкомам ВКП(б) и редакторам районных газет о мобилизации

колхозников на разоблачение и разгром врагов народа в сельском хозяйстве» [13].

В течение нескольких дней в Оршанке шел процесс над «вредителями», среди которых, кроме председателя райисполкома и заведующего райсельхозуправлением, было несколько руководителей колхозов и специалистов. Они были репрессированы по обвинению в «антигосударственных действиях», т.е. до завершения сдачи хлеба государству организовали общественное питание колхозников.

Многие из раскулаченных и высланных на небольшой срок «кулаков» вернулись в родные места в 1935-1937 годах. Землю, постройки, сельхозинвентарь, рабочую скотину и конфискованное имущество им не вернули. И они, лишенные экономической основы своего существования, были обречены на голод и нищету, на жизнь в землянках. Но и такой «жизни» скоро пришел конец. В разгар Большого Террора 1937 года руководство Коммунистической партии и Советского правительства вспомнило о них и решило с ними расправиться окончательно. 2 июля 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об углублении и расширении репрессий, придав им плановый (в соответствии с законами социализма) характер. Было намечено проведение в масштабе всей страны крупной плановой операции «против кулаков, уголовников и прочих антисоветских элементов», так как «замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время в северные и сибирские регионы, а потом, по истечении срока высылки, вернувшихся в свои области, являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности». Партийным комитетам и руководящим органам НКВД областей, краев, республик было предписано «взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них немедленно были арестованы и расстреляны... а остальные менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД» [14].

Во исполнение этого решения нарком НКВД СССР Н.И. Ежов 30 июля издал под грифом «совершенно секретно» приказ № 00447, утвержденный на следующий день Политбюро. В нем выражалась озабоченность, что «материалами следствия по делам антисоветских формирований» установлено, что в сельской местности «осело значительное количество бывших кулаков, ранее репрессированных, скрывшихся от репрессий, бежавших из лагерей, ссылки и трудпоселков». Нарком приказал: «Самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских

элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и наконец раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства. В соответствии с этим, приказываю: с 5 августа 1937 года начать во всех республиках, краях и областях операцию по репрессированию бывших кулаков, антисоветских элементов и уголовников». Для операции устанавливался срок 4 месяца [15].

Если по другим «делам» в это время были репрессированы общественно-политические деятели, которые могли оказывать воздействие на общественную жизнь, и ведущие интеллигенты, влиявшие на умы и настроения людей, то по этому приказу уничтожались или отправлялись в лагеря обычные крестьяне (они составляли большинство), сельские учителя, церковники и другие «социально-опасные элементы».

Все местные органы НКВД получили плановые цифры на расстрел (первая категория) и отправку в лагеря (вторая категория). По этой разрядке в Марийской АССР необходимо было репрессировать 1800 человек, из них расстрелять 300, отправить в лагерь 1500 человек. Примерно такое же соотношение было и в других регионах. Это показывает, что большинство репрессированных крестьян не расстреливалось, а отправлялось в лагеря, чтобы использовать их дармовой труд в ГУЛАГе.

Политбюро ЦК ВКП(б) 31 июля, утверждая этот приказ, обязал Совнарком выделить из резервного фонда на проведение этой операции 75 миллионов рублей, из них 25 миллионов на оплату железнодорожного тарифа. Репрессированных было решено использовать: «а) на ведущихся сейчас строительствах ГУЛАГа НКВД СССР; б) на строительстве новых лагерей в глубинных пунктах Казахстана; в) для постройки новых лагерей, специально организуемых для лесозаготовительных работ силами осужденных». Для последней цели были выделены крупные лесные массивы на Севере и в Сибири, на организацию в них лагерей и проведение подготовительных работ было отпущено еще 10 миллионов рублей.

Один из осужденных в это время (бывший первый секретарь Сотнурского райкома партии А.Е. Сидоркин) рассказывал, как эшелон репрессированных из Марийской АССР долго везли в «телячьих» вагонах на север, в Архангельской области завезли в дремучий лес, где рельсы кончались, и выгрузили. Там на заснеженной поляне стояли только два домика для вооруженной охраны. «Врагам народа» сказали: «Вот вам топоры и пилы, а вон деревья: пилите, рубите и стройте себе жилье». И люди несколько дней валили лес и строили барак, ночью зарывались в сугроб, прижимаясь один к другому...

Приказ № 00447 в Марийской республике был успешно выполнен и перевыполнен. Плановые цифры, указанные в нем, были названы «ориентировочными», местные органы могли представить «мотивированные ходатайства» об их изменении. В соответствии с этим 15 сентября бюро Марийского обкома партии приняло постановление: «Просить ЦК ВКП(б) разрешить дополнительно репрессировать 500 человек» [16].

Начальник управления НКВД по Марийской АССР А.И. Карачаров на пленуме обкома ВКП(б) в апреле 1938 года говорил: «В 1937 году провели огромную работу – нанесли сокрушительный удар по кулачеству, хорошо очистили республику от этих сил. С августа по январь изъято тысячи человек, это помимо буржуазно-националистической организации. Ликвидировали кулацкую силу, которая побывала в ссылках, была судима, сослана, вернулась и устроилась в колхозах. Что бы было, если бы ЦК партии не предусмотрел и не дал соответствующей директивы очиститься и если бы эти тысячи человек остались в деревне? Этот элемент изъят и сослан в лагерь. Проведена массовая операция» [17].

Параллельно этому в 1937 году была ликвидирована выдуманная «Марийская буржуазно-националистическая организация», по обвинению в принадлежности к которой в основном была репрессирована интеллигенция, в том числе специалисты сельского хозяйства и сельские интеллигенты, связанные с крестьянством, как по происхождению, так и по характеру работы. В связи с этим Карачаров говорил: «Буржуазно-националистическую организацию мы в основном ликвидировали. Но ликвидировано только руководство организации. За 20 лет она пустила глубокие корни в деревни. Руководители – выходцы из деревни. Они насаждали повстанческие ячейки в колхозах, деревнях... Следовательно, организация оставила большие повстанческие низовки в колхозах, деревнях... За последнее время мы поглубже опустились в колхозы и вскрыли, что в Оршанском, Куженерском, Ронгинском, Пектубаевском, Косолаповском районах десятки колхозов поражены повстанческим движением... Почти все районы имеют повстанческие гнезда. Эти повстанческие гнезда как раз в колхозах. Кроме повстанческих групп, на селе много еще другой контрреволюционной силы. У нас в деревнях еще остались семьи репрессированных, их жены, дети, взрослые. Ясно, что многие из них проводят контрреволюционную работу, мстят» [18]. В Ронгинском районе по этой установке в четырех деревнях – Кюр-Сола, Якай-Сола, Шуми-Сола, Ашламаш, в которых, по словам Карачарова, «все завербованы в повстанческую организацию», – в 1938 году были расстреляны

практически все мужчины старше 16 лет. Позже, в 1939 году, когда и сам А.И. Карачаров был снят с работы и арестован, Марийский обком партии сообщал в ЦК ВКП(б): «В результате вражеской деятельности Карачарова и некоторых работников милиции в ряде колхозов республики остались одни лишь женщины» [19]. Дальнейшему распространению этого «опыта» помешало то, что в начале 1939 года террор в стране был ослаблен. Но репрессии и пополнение ГУЛАГа продолжались.

Система ГУЛАГа охватывала всю страну. Внутри нее проводилось своеобразное перемещение населения. Из южных областей, краев, республик репрессированные отправлялись в среднюю полосу, как например, в Марийскую АССР. А репрессированные здесь отправлялись на север (в Архангельскую область, Коми АССР и т.д.)

В Марийской АССР тогда проводилась усиленная вырубка леса, значительно превышавшая естественный прирост. И большинство лесозаготовительных предприятий были обеспечены дешевой рабочей силой с принудительным трудом заключенных и насильственно перемещенных. Например, летом 1940 года в республику прибыло 2078 семей (6027 человек) спецпереселенцев – «беженцев» (бывших польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии). Их распределили в 14 спецпоселках по предприятиям Маритранлеса: в Волжский леспромхоз (Трехруткинский, Первомайский, Карасьярский, Мадарский, Цинглокский лесопункты) – 848 семей, Юринский (Кумский и Козиковский лесопункты и подучасток Нужьяры) – 464, Моркинский (лесопункты Нурумбальский, или «31 квартал», и Березниковский, или «Озеро» – 265), Суслонгерский (10-й км и 19-й км) – 264, Йошкар-Олинский леспромхоз (Туршинский лесозаготовительный участок) – 130, Липшинский подучасток – 107 [20].

В каких трудных условиях они находились – об этом свидетельствует много документов. Например, Марийский обком партии, докладывая в ЦК ВКП(б) об устройстве спецпереселенцев в леспромхозах, вынужден был признать: спецпереселенцы «оказались крайне скучены в небольших бараках семей по 10 и больше, правда кое-где эти бараки приспособлены, но

в большинстве своем эти помещения на зиму не совсем пригодны, к тому же в помещениях масса клопов и тараканов... Среди спецпереселенцев есть безнадзорные дети и старики. Кто их будет кормить? Среди переселенцев много есть легко одетых и совсем раздетых, в одних рубашках, многие зимой могут замерзнуть... В снабжении, кроме хлеба, ничего нет. Большая часть спецпереселенцев не приспособлена к труду и в работу втягивается с большим скрипом. В Волжском леспромхозе спецпереселенцы устроили митинг, требуя улучшить условия жизни, вернуть их на родину и т.д. Комендатура НКВД растерялась, а когда комендант хотел арестовать двух человек, спецпереселенцы не дали. Есть отказы от работы, есть случаи побегов» [21].

Таким образом, безжалостная репрессивная машина 1930-х годов обрушилась на все слои населения страны, в том числе и на крестьянство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Управления ФСБ РФ по Республике Марий Эл, арх. № 10-4, л. 9.
2. Там же, арх. № 11-2, л. 160.
3. Исторический архив. – 1994. – № 4. – С. 147-148.
4. Архив УФСБ, арх. № 10-4, л. 427.
5. Там же, арх. № 11-2, л. 174.
6. Там же, арх. № 12-7, лл. 28-35.
7. ГА РМЭ. ф. 1п, оп. 1, д. 733, лл. 16,18; д. 669, л. 169; д. 850, л. 57 и др.
8. Там же, д. 813, лл. 126-128; 230-232.
9. Архив УФСБ, арх. № 14-4, л. 352-353.
10. Там же, арх. № 15-3, л. 54.
11. Там же, арх. № 14-4, л. 334.
12. ГА РМЭ, ф. 1п, оп. 4, д. 29, л. 114.
13. Там же, д. 209, лл. 170-172; д. 319, лл. 89-97.
14. Труд. – 1992. – 4 июля.
15. Архив УФСБ, арх. № 2112.
16. ГА РМЭ, ф. 1п, оп. 4, д. 211, л. 75.
17. Там же, д. 308, л. 30.
18. Там же, д. 274, лл. 194-200.
19. Там же, д. 525, л. 207.
20. Архив УФСБ, арх. № 21-1, лл. 1, 14.
21. ГА РМЭ, ф. 1п, оп. 4, д. 526, лл. 144-145.